

СВОД ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ ЧУВАШИИ И ЧУВАШСКОГО НАРОДА

II том

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
И СОСЛОВИЯ г. СВЯЖСК И УЕЗДА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII века

*Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук*

Рецензенты:

Д.В. Басманцев, кандидат исторических наук
В.Д. Кочетков, кандидат исторических наук
С.В. Охотникова, кандидат исторических наук

Составитель, автор предисловий и примечаний
А.А. Чибис

С 25 **Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 2. Местное управление и сословия г. Свияжск и уезда в первой половине XVII века (следственное дело 1638 г. о злоупотреблениях свияжского воеводы) / сост. А.А. Чибис; Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук. — Чебоксары: ЧГИГН, 2020. — 268 с.**

Издание представляет собой комплекс документов следственного дела 1638 г. о злоупотреблениях воеводы г. Свияжск, князя Е.Ф. Мышецкого. Документы содержат ценную информацию о порядке воеводского управления в Среднем Поволжье в первой половине XVII в., правах и обязанностях различных сословий из числа русского и нерусского населения указанного региона, в том числе ясачных и служилых чувашей, татар, мордвы, а также сведения об исторической географии Свияжского уезда.

Книга рассчитана на специалистов историков, археографов и читателей, интересующихся историей России и Чувашии.

УДК 94(470.344)
ББК 63.3(2Рос.Чув)

ISBN 978-5-87677-245-9 (2)
ISBN 978-5-87677-228-2 (общ.)

© А.А. Чибис, составление, 2020
© Чувашский государственный
институт гуманитарных наук, 2020

Предисловие

Одним из первых русских городов в Среднем Поволжье стал Свияжск. Он был основан в мае 1551 г. как опорная крепость против Казанского ханства. После падения последнего в 1552 г. Свияжск превратился в центр управления одноименным обширным уездом, в состав которого входили правобережные земли современного Татарстана, большая часть восточной и юго-восточной Чувашии¹.

В XIX – XXI вв. было опубликовано немало источников по истории Свияжска и его уезда, особенно за первые полтора столетия их существования. Это, прежде всего, правовые акты и материалы приказного делопроизводства о возникновении и функционировании монастырей и других объектов в самом Свияжске, населенных пунктов в его уезде, деятельности городских и уездных жителей и др.²

Особо отметим изданную в 1909 г. свияжскую писцовую и межевую книгу за 1565–1567 гг.³ В этом источнике представлены достаточно подробные обобщенные сведения о состоянии крепостных укреплений, церквей и монастырей в городе, на посаде, пригородных слободах, численности дворов и различных зданий и т.п. Кроме того, в книге содержатся интересные данные о ряде населенных пунктов в Свияжском уезде – как старых татарских, мордовских и чувашских, так и новых, основанных недавно прибывшими русскими помещиками и свияжскими Успенско-Богородицким, Троицким мужскими монастырями.

¹ Подробнее см., например: *Димитриев В.Д., Чибис А.А.* Свияжский уезд // *Чувашская энциклопедия*. Чебоксары. 2009. Т. 3. М–Се. С. 641.

² См., например: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. I. № 247, 248, 322; Т. II. № 61, 100; Т. III. № 86, 98. Т. IV. № 158; *Мельников С.* Акты исторические и юридические, и древние грамоты Казанской и других соседственных губерний. Казань, 1859. Т. I. № III–IV. IX–XI, XIV–XVIII, XXI–XXII, XXIV–XXIV, XXVIII–XXX, XXXVIII, XLIII, L–LV, LVII–LXI, LXIII, LXV, LXVII, LXX; *История Татарии в документах и материалах*. М., 1937. С. 156–161, 164–166, 171–173; *Шумаков С.* Сотницы, грамоты и записи // *Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете*. М., 1911. Кн. 3 (238). Материалы исторические. С. 19–25; *Каштанов С.М.* Возникновение русского землевладения в Казанском крае // *Из истории Татарии / Ученые записки Казанского государственного педагогического института*. Казань, 1973. Сб. V. Вып. 116. С. 3–35; *Он же.* К истории феодального землевладения в Свияжском уезде в 70-х годах XVI века (Жалованные грамоты 1572 и 1575 гг.) // *Историография и источниковедение: вопросы методики исследования / Ученые записки Казанского государственного педагогического института*. Казань, 1978. Вып. 184. С. 132–143; *Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII в.)*. Казань, 1990. № 1–4, 6, 8, 9, 16, 22, 24, 27, 31, 38, 39, 52–57, 62, 64, 65, 72, 74; *Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье (XVII – первая половина XVIII в.)*. Чебоксары, 2006. № 1, 4, 7, 55; *Чибис А.А.* Вотчина Троице-Свияжского монастыря в XVI–XVII веках: (документы из Государственного исторического архива Чувашской Республики) // *Марийский археографический вестник*. 2008. № 18. С. 184–197; *Он же.* Жалованная грамота 1593 г. Свияжскому Успенско-Богородицкому монастырю // *Гасырлар авазы. Эхо веков*. Научно-документальный журнал. 2017. № 1/2 (86/87). С. 39–49.

³ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1667). Казань, 1909.

В 2005 г. историк В.Д. Дмитриев опубликовал в форме регеста Свияжскую переписную книгу 1646 г., в которой представлена информация о численности дворов, принадлежащих различным владельцам: посадским людям, бобылям, различным категориям служилых и приказных людей, духовенству, о численности в городе жителей мужского пола, прежде всего тяглых и крепостных лиц. По уезду в публикации есть сведения о численности помещичьих крестьян, служилых чувашей и татар в его чувашской части⁴. Приведенные в ней данные свидетельствуют о том, что к середине XVII в. в Свияжске окончательно сформировались и проживали достаточно устойчивые корпорации основных сословий Русского централизованного государства: духовенства, служилого и податного населения.

Сохранившиеся материалы по начальной истории Свияжска и уезда отнюдь не исчерпываются опубликованными документами. Так, в фонде Сибирского приказа РГАДА отложился комплекс документов 1638–1640 гг., названный «Свияжское сыское дело про воеводу Ефима Мышецкого»⁵.

Судя по листу использования, подшитому к делу, последнее просматривалось в разные годы шестью исследователями, в том числе видным чувашским этнографом Н.В. Никольским (в 1946 г.) и марийским историком Г.Н. Айплатовым (1963), сделавшими из него различные выписки. В 1966 г. В.Д. Дмитриев заказал изготовление микрофильмированной копии всего дела, которая хранится в архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук⁶. Но скопированные материалы так и не были опубликованы. Между тем указанное дело, являясь одним из первых документальных комплексов по расследованию коррупционных действий должностных лиц в Среднем Поволжье в XVII в., содержит весьма ценную информацию о положении сословий в Свияжском уезде, об их взаимоотношениях с властью и многим другим. Поэтому введение названных источников в широкий научный оборот представляется весьма актуальным и необходимым.

Главный фигурант указанного дела воевода Ефим Федорович Мышецкий (ок. 1590 – ок. 1671) происходил от черниговской ветви династии Рюриковичей, был потомком известного князя Михаила Федоровича Черниговского (1179–1246), убитого по приказу хана Батыя и позднее причисленного к лику святых. Первые упоминания о деятельности на исторической сцене Е.Ф. Мышецкого относятся к 1608–1610 гг., когда он в составе войск царя Василия Шуйского сражался с поляками и сторонниками Лжедмитрия II, затем участвовал в обороне города Орешек в Новгородской земле от шведов, но после сдачи последнего, по видимому, вынужденно принес присягу шведскому королю. Летом 1614 г. князь отказался от шведской службы, присягнул вновь избранному русскому царю Михаилу Романову и в 1615–1617 гг. отличился в боях против поляков и литовцев. После завершения Смуты Е.Ф. Мышецкий был городовым воеводой: в 1620–1622 гг. в Саратове, в 1625–1627 гг. – в Мангазее, являвшейся крупнейшим торгово-промышленным центром Сибири. В 1631 г. князь был назначен воеводой по-

⁴ Дмитриев В.Д. Посадские люди города Свияжска, Карлинская слобода полковых казаков, помещики и крепостные крестьяне чувашской части Свияжского уезда по переписным книгам 1646 года // Вестник Чувашского университета. 2005. № 4. Гуманитарные науки. С. 19–45.

⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 214. Оп. 3. Д. 82. Л. 1–802.

⁶ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. (НА ЧГИГН). Отд. VIII. Ед. хр. 255. Инв. № 1926.

граничного с Речью Посполитой города Мешовск и в этой должности вступил в Смоленскую войну (1632–1634), в ходе которой он вместе с воеводой В.П. Ахашуковым-Черкасским успешно оборонял от польско-литовских войск город Дорогобуж. По завершении войны за свои заслуги в ней в сентябре 1634 г. Е.Ф. Мышецкий был награжден деньгами, дорогой шубой и кубком, его поместный оклад был увеличен⁷. Следующей должностью князя стало воеводство в Свияжске.

Отметим, что Свияжск стал первым русским городом, в котором было введено воеводское управление. Сразу после вхождения Горной стороны Казанского ханства в состав Русского государства и основания Свияжской крепости в мае 1551 г., царь Иван IV назначил свияжскими воеводами опытных военачальников, боярина князя С.И. Микулинского с товарищами. После падения Казанского ханства в октябре 1552 г. воеводы были поставлены в Казани, ставшей русской крепостью, а в последующие годы — во всех других русских городах, основанных в Среднем Поволжье (Чебоксарах и пр.)⁸. С конца XVI — начала XVII вв. воеводское управление было введено во всех областях Русского государства.

Опубликованные В.Д. Корсаковой сведения свидетельствуют о том, что в период с начала 1550-х до начала 1580-х гг. численность свияжских воевод составляла от трех до пяти человек, в основном князей из известных родов, в том числе бояр и окольничих⁹. Их основной задачей было подавление антимосковских восстаний, происходивших в Среднем Поволжье в указанный период. После окончательного закрепления за Москвой присоединенного края, военное значение Свияжска снизилось, и в город стал назначаться лишь один воевода. В период с 1591 по 1697 г. было зафиксировано 37 воевод, в том числе Е.Ф. Мышецкий, среди них 12 князей, один боярин и 12 стольников¹⁰. Помощником (товарищем) такого воеводы назначался дьяк. По данным А.П. Барсукова, дьяки были, по меньшей мере, при восьми из двенадцати свияжских воевод, являвшихся непосредственными предшественниками Е.Ф. Мышецкого¹¹. В отличие от воевод, назначавшихся преимущественно из числа потомственных военнотружеников, дьяки происходили из незнатных сословий и достигали своего чина исключительно за счет усердия и способностей по службе. Их основной задачей являлась организация делопроизводства и решение финансово-хозяйственных вопросов в сфере управления.

Помощником Е.Ф. Мышецкого на должности свияжского воеводы стал дьяк Филипп Семенович Ларионов. Последний впервые упоминается в известных источниках в марте 1611 г. как подьячий (подчиненный дьяка) при польском королевиче Владиславе. С ноября того же года Ф.С. Ларионов фигурирует как дьяк Ямского приказа в полках главы Первого ополчения И.М. Заруцкого. С 1613 г. и

⁷ Рабинович Я.Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641). Саратов, 2014. С. 52–83.

⁸ Подробнее см., например: Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI — XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 11–62; Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). Чебоксары, 1986. С. 51–52 и др.

⁹ Корсакова В.Д. Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии с 1553 г. до образования Казанской губернии в 1708 г., а также губернаторов, наместников, генерал-губернаторов и военных губернаторов, управлявших Казанскою губерниею с 1708 по 1908 г. включительно. Казань, 1908. С. 7–9.

¹⁰ Там же; Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 203–204.

¹¹ Барсуков А. Списки городовых воевод. С. 203–204.

вплоть до 1630/31 г. он же служил дьяком в Пушкарском и Казачьем приказах, был при сборе пятины в Важском уезде и у городского дела в Можайске; в 1631–1632 и 1634 гг. служил дьяком в Вязьме, после чего получил назначение в Свияжск¹².

Е.Ф. Мышецкий и Ф.С. Ларионов сменили на воеводстве в Свияжске Б.П. Шереметева в 1635 г., однако месяц, в котором это произошло, неизвестен¹³. В 1636 г. князь и дьяк были заменены в Свияжске воеводой Ф. Квашниным и дьяком Ф. Атарским. Это произошло не ранее сентября, когда два первых деятеля были последний раз упомянуты на воеводстве¹⁴, и до окончания летне-осенней навигации в конце октября – ноябре, так как из названного следственного дела видно, что Е.Ф. Мышецкий отплыл из Свияжска в Москву на стругах (ст. 31 в № 1/І, 1/ІІ).

Организация воеводского управления и полномочия воевод в городах и уездах Среднего Поволжья уже освещены в научной литературе¹⁵. Поэтому в рамках настоящего предисловия нет надобности рассматривать их применительно к Е.Ф. Мышецкому. Отметим лишь, что все административные вопросы князь должен был решать, «поговоря» с Ф.С. Ларионовым, который, в соответствии с Судебником 1551 г.¹⁶, также «помечал», т.е. визировал, судебные и другие документы (см., например: № 1/І, ст. 8, 24). Но служебные отношения между князем воеводой и худородным дьяком не сложились. Уже в 1635 г. Ф.С. Ларионов сообщил в приказ Казанского дворца, который в указанный период управлял одновременно Средним, Нижним Поволжьем и Сибирью¹⁷, что Е.Ф. Мышецкий, вопреки его, дьяка, советам, попустительствовал свияжским «лучшим» посадским людям К. Косоногову с товарищами, которые притесняли остальных посадских людей, отказывались должным образом выплачивать и исполнять подати и повинности (№ 15). По завершении службы в Свияжске и прибытии в Москву в 1636 г., Ф.С. Ларионов, по-видимому, выдвинул против бывшего коллеги, его сыновей Даниила и Бориса другие обвинения: в личных оскорблениях, «обидах» свияжских жителей, вымогательствах, взяточничестве, нарушениях установленного порядка управления и т.д. Первая реакция на эти претензии администрации названного приказа неизвестна. Но из Свияжска стали поступать новые жалобы и вопросы, связанные с событиями, относящимися ко времени воеводства Е.Ф. Мышецкого. Так, в 1638 г. свияжские посадские люди подали на

¹² Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. М., 1975. С. 288–289; Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): биографический справочник. М., 2011. С. 312; Лисийцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 608; Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011. С. 154, 156, 227 и др.

¹³ Русский биографический словарь. СПб., 1911. Т. Шебанов-Шютц. С. 106–107; Рабинович Я.Н. Воеводы левобережного Саратова. С. 83.

¹⁴ Барсуков А. Списки городских воевод. С. 204; Мельников С. Акты исторические и юридические. № X.

¹⁵ См., например: Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. С. 38, 52, 104–143; Дмитриев В.Д. Политика Московского правительства в XVII веке: (по наказам воеводам) // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 2002. № 4. С. 20–43.

¹⁶ Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 97–104, 108–109; ст. 1–13, 32–34 и др.

¹⁷ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. С. 56.

упомянутых К. Косоногова с товарищами челобитную с теми их обвинениями, которые уже изложены выше (№ 14). По-видимому, поступили претензии и к самому Ф.С. Ларионову (см. далее). Поэтому в 1638 г. было решено послать в Свияжск и его уезд сыщика Б.Д. Бартенев и подьячего И. Алимпиева для расследования всех жалоб на действия Е.Ф. Мышецкого, Ф.С. Ларионова и других лиц. К тому времени, в 1637 г., правительство для обеспечения лучшего управления Сибирью выделило из приказа Казанского дворца самостоятельный Сибирский приказ; в ведении первого из названных учреждений остались только территории Среднего и Нижнего Поволжья¹⁸. Однако, по неизвестным причинам, Б.Д. Бартеков и И. Алимпиев получили наказ на проведение сыска в Свияжске из Сибирского приказа. Сыщики провели сыск по месту назначения в ноябре — декабре 1638 г., затем вернулись в Москву и сдали его документальные материалы в Сибирский приказ. В январе 1640 г. судья приказа Казанского дворца Б.М. Лыков с товарищами потребовали от дьяка Сибирского приказа Н. Шипулина прислать им сыскное дело для расследования нового челобития свияжских посадских людей на К. Косоногова с товарищами. Но администрация последнего учреждения согласилась прислать к ним лишь выписку из содержащихся в деле показаний посадских людей (№ 14, 15). Так, сыскное дело о действиях в Свияжске Е.Ф. Мышецкого и Ф.С. Ларионова осталось в Сибирском приказе и, как уже отмечалось, в настоящее время находится в составе его фонда.

Первоначально дело представляло из себя один большой столбец, состоящий из последовательно подклеенных друг к другу сставов, свернутых в рулон. Затем последний был разрезан на отдельные листы примерно одинакового формата, состоящие из одного или двух половинчатых сставов, которые были сложены в одну стопу для хранения в форме папки или журнала. На первом листе дела есть заголовок, написанный почерком XVIII в.: «Столп, а в нем свияжское сыскное де[ло] про воеводу Ефима Мышецкого, верх подран и заглавья нет». Очевидно, в XVIII в. дело и было разрезано в новый формат, к моменту этой операции его начальная часть была утрачена. Прежде всего, не сохранился наказ сыщикам, с которого обычно начинался такой документальный комплекс. В настоящее время дело хранится в картонной папке и насчитывает 802 листа. Листы пронумерованы, но документы в деле хранятся не в систематизированном хронологическом и видовом порядке.

Всего в деле сохранилось 26 документов. По своему видовому составу они делятся на: 1) 19 так называемых обыскных речей, состоящих из: а) заранее подготовленных вопросных статей, б) ответов на каждую статью, которую давались группой опрашиваемых лиц, являвшихся представителями одного из городских или уездных сословий; 2) пять сказок, в которых вопросы отсутствовали, но фиксировались лишь показания одного человека или группы лиц; 3) две памяти (отношения), которыми в январе — феврале 1640 г. обменялись между собой приказ Казанского дворца и Сибирский приказ по поводу присылки в первый из них сыскного дела (см. выше).

Палеографический анализ вопросных статей в обыскных речах показывает, что они писались разными писцами. Сначала в тексте речи дается вводный раздел с перечислением опрошенных лиц, затем следуют вопросные статьи. Последние

¹⁸ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. С. 56.

переписаны с единого образца, подготовленного на основании ранних челобитных на главных фигурантов дела, ответных показаниях последних. Поэтому в тексте каждой обыскной речи вопросные статьи расположены в одинаковом порядке, содержание каждой статьи в основном повторяет содержание ее аналога в другой речи, за исключением отдельных разночтений. Под каждой статьей на специально оставленной части листа вписан ответ на нее.

Общее количество статей составляет 33. При этом статья 15 в одних речах имеет единый текст, на который дается один ответ, в других речах она делится на две части, на каждую из которых дан отдельный ответ (например, ср.: № 1/1, ст. 15, 15а и № 2/1, ст. 15). В речи монахов Свияжского Богородицкого монастыря статья 12, касающаяся непосредственно вотчины этого монастыря, также разбита на две части (№ 4/III, ст. 12, 12а). В других речах эта статья имеет единый текст.

Передача текста публикуемых материалов и оформление сборника выполнены в соответствии с принятыми в современной археографии правилами издания исторических документов XVII в.¹⁹, с учетом структуры сыского дела и видовых особенностей его документов. Основной текст издания разбит на три номинальных раздела, в каждый из которых включен один из видов названных документов, причем все они снабжены единой валовой нумерацией, независимо от расположения.

Публикуемые в первом разделе 19 обыскных речей объединены под восемью заголовками. Под семью из них помещены от двух до четырех показаний лиц, представляющих собой одно из свияжских служилых, духовных, податных сословий. Это: 1) посадские люди (№ 1/I-II); 2) стрельцы, кормовые и служилые иноземцы (№ 2/I-II); 3) служащие при приказной избе подьячие, толмачи, выполнявшие поручения последней площадные подьячие, выполнявшие работы и обслуживавшие казенные объекты ямщики, пушкари, плотники, мельники, ложные мастера (№ 3/I-IV); 4) белые священники церквей: приходских, ружных и женских монастырей, монахи свияжских Троицкого, Успенско-Богородицкого монастырей (№ 4/I-III); 5) служилые помещики: дворяне и дети боярские (№ 5/I-III); 6) служилые татары, мурзы и князья, служилые новокрестьяне (№ 6/I-II); 7) ясачные новокрестьяне различных деревень, крепостные крестьяне татарского князя Аклыча Тугушева (№ 8/I-II). Под отдельным номером публикуется один, самый пространственный документ — 8) обыскная речь ясачных чувашей, татар и мордвы Свияжского уезда (№ 7)²⁰. При публикации внутри одного номера нескольких документов полностью даются вопросные статьи и ответы на них только в первом из них, самом раннем по хронологии. Из последующих речей приводятся только ответы на вопросные статьи, а последние из издания исключаются, так как они повторяют аналогичные части первого документа. Присутствующие на оборотах рукоприкладства представителей русских сословий,

¹⁹ Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990. С. 42–48, 72–74 и др.; Методическое пособие по археографии. М., 1991. Ч. I. С. 55–74.

²⁰ Отметим, что в деле отсутствуют показания упомянутых в Свияжской переписной книге 1646 г. свияжских бобылей, гулящих людей, палача, казаков Карлинской слободы (Димитриев В.Д. Посадские люди города Свияжска, Карлинская слобода полковых казаков, помещики и крепостные крестьяне чувашской части Свияжского уезда. С. 19–45). Возможно, они находились в первоначальном варианте дела, но затем были утрачены.

подписи иноземцев и знамена нерусских ясачных и служилых людей не воспроизводятся.

Во втором и третьем разделах сборника каждый документ дан под одним валовым номером. Все три раздела снабжены общим заголовком с обозначением содержания и вида помещенных в них документов, поэтому в под валовым номером последних даются сокращенные заголовки с обозначением только лиц, от которых исходил документ. Общий валовый номер обозначен арабской цифрой, если под ним помещены несколько документов, то каждый из них отмечен внутренним номером, обозначенным римской цифрой.

Тексты переданы с сохранением оригинальной орфографии, но с заменой вышедших из употребления букв на современные буквы или соответствующие буквосочетания: «ѣ» на «е», «ѿ» на «ф», «і» на «и», «з» на «кс» и т.п. Твердый знак применен по современным правилам, исключен из публикации в том случае, если в архивной рукописи (ркп.) он поставлен в конце слова после твердых согласных или после предлога. Для более точной передачи чувашских, татарских и мордовских имен, названий нерусских населенных пунктов в данном издании составитель предпочел отказаться от применения буквы «й», которая не употреблялась в XVII в. Мягкий знак в публикации используется только в конце слов или в их середине между согласной и гласной буквами. В середине же слова между согласными буквами («стрелцы», «большей») мягкий знак не поставлен. Исключение составили лишь некоторые фамилии и географические названия, при передаче которых мягкий знак был поставлен в ркп. писцами.

Знаки пунктуации применены по современным правилам, с учетом особенностей и стилистики документов. Первые слова предложений, географические названия, имена, фамилии, прозвища переданы с большой буквы.

При публикации обыскной речи вводный раздел обозначен цифрой [0], каждая следующая далее вопросная статья и последующий ответ на нее обозначены валовой цифрой от [1] до [33], в зависимости от порядка их расположения.

Если в документе более одного раза упоминается имя и титул царя Михаила Федоровича, то при втором и последующих упоминаниях применена купюра, например: «Лета 7147-го году ноября в 22 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу Борис Дмитриевич Бартенев да подьячей Иван Алимпиев спрашивали по государеву [титул и имя]». Утраченные из-за дефекта ркп., но восстановленные по дальнейшему содержанию документа буквы, правильность восстановления которых не вызывает сомнения, а также предлоги, отсутствующие вследствие применения писцами гаплогрaфии²¹, печатаются в квадратных скобках без дополнительных оговорок. Слова, вставленные писцами в ркп. после написания основного текста, взяты в круглые скобки. Если утраченные буквы восстановить не удалось, то такая утрата в публикации обозначена многоточием. Сделанные публикатором купюры обозначены знаком <...>.

Все даты, данные в оригинале по применявшейся в XVII в. византийской эре от Сотворения мира, приведены публикатором без перевода на современное летоисчисление, например: «В прошлых во 144-м и во 145-м годах», то есть «в прош-

²¹ Под «гаплогрaфией» подразумевается упрощенное написание в ркп. XVI–XVII вв. двух соседних слов, одно из которых, чаще всего предлог, начиналось на ту же букву, что и следующее слово (Акты Русского государства, 1505–1526. М., 1975. С. 4).

лых во 7144-м и во 7145-м годах». Провести редукцию, т.е. выполнить указанный перевод легко может выполнить даже неспециалист в области исторической хронологии по методике, приведенной в настоящем примечании²².

Документы снабжены текстуальными подстрочными примечаниями, в которых отмечены и оговорены: а) зачеркнутые в рукописях слова; б) допущенные писцами смысловые ошибки, их исправления, сделанные публикатором, неясные места оригинального текста; в) примерное количество утраченных букв, которые восстановить не удалось; г) основные разночтения вопросных статей, приведенных в первом документе под каждым валовым номером, с вопросными статьями, исключенными из последующих документов, публикуемых под тем же номером.

Каждый документ снабжен легендой, в которой указаны только листы публикуемых документов, так как название архива, номер фонда, дела и описи, под которыми они находятся на постоянном хранении, оговорены в настоящем предисловии.

Сборник снабжен именным, географическим указателями. В издание включен обзор публикуемого дела.

В указателях названия всех объектов (физических лиц, географических пунктов) помещены в алфавитном порядке в соответствии с современной орфографией. Если какой-либо объект фигурирует в документе в устарелой форме написания, то в указателе последняя заменяется на современную форму. При этом оригинальный вариант написания также включен в указатель, но в нем дана отсылка к современному варианту. Например: «Ондреев Дементий» — см. «Андреев Дементий»). При передаче нерусских имен и географических названий в указателях проставлены буквы «й» и «ь» в тех случаях, когда правильность их применения по современным правилам не вызывает сомнения. Устарелые окончания фамилий («ой»), за отдельным исключением, заменены на современные («ий»). Например: «Катышевской» — «Катышевский». Если в указателе приводится объект, упомянутый в документах под валовыми номерами 1–8, то сначала указывается название объекта и его характеристика с обозначением географического местонахождения. Затем через знак «—» даются ссылочные данные: указывается конкретный номер данного документа (1/І, 3/ІІ и т.п.), далее через запятую дается номер вопросной статьи внутри документа, в которой упоминается объект (1/І, ст. 2, 3 и т.п.). При этом для облегчения поиска пользователем объектов в док. № 7, где вводная статья и ответы под вопросными статьями являются достаточно пространными, названия географического местонахождения объекта выделены жирным шрифтом. Если в указателе приводится объект, упомянутый в документах под валовыми номерами 9–15, то ссылочные данные даются только на номер документа, который отделяется от других номеров знаком «;».

Издание подготовлено А.А. Чибисом по микрофильмированной копии архивного варианта источника, заказанной В.Д. Димитриевым (см. выше). Составитель выражает глубокую благодарность кандидату исторических наук В.Д. Кочеткову за помощь и консультации, оказанные при подготовке издания.

²² По эре от Сотворения мира новый год начинался 1 сентября одного года нашей эры, имеющего январское новогодие, и заканчивался 31 августа следующего года нашей эры. Таким образом, первые четыре месяца по эре от Сотворения мира (сентябрь–декабрь) приходились на один год нашей эры, остальные восемь месяцев (январь–август) — на следующий год нашей эры. Чтобы перевести дату по эре от Сотворения мира на современное летоисчисление, нужно: а) при дате с 1 сентября по 31 декабря включительно из номера мирового года вычесть 5509, б) при дате с 1 января по 31 августа включительно из такого же номера вычесть 5508.

* * *

Наиболее ценную информацию содержат обыскные речи.

Вопросы 27 их статей касаются следующих возможных действий Е.Ф. Мышецкого, его сыновей и слуг, происходивших: а) непосредственно в самом Свияжске или прилегающем к нему Подгородном стане; либо б) в татарских, мордовских и чувашских деревнях Свияжского уезда.

К действиям в городе относятся: получение взяток с кабацких цесловальников и причинение простоя кабаку (ст. 1), использование в своих целях хлеба, хранившегося на житном дворе в Свияжске, кабацкой винокурни, казенной мельницы, возможном необеспечении охранного режима на житном дворе (ст. 15—15а, 16, 17); продажа соли через посадского человека Я. Токарева (ст. 7); присвоение ценных промысловых продуктов (белки-казынки и рыбы-калуги), предназначенных для посольских дел или государева обихода (ст. 9, 18); получение взяток с помещиков (ст. 3, 4, 6) и стрельцов (ст. 8) за невысылку их на службу в Астрахань, Черный Яр, Свияжскую и Тетюшскую засеки (в эти пункты обычно высылались служилые люди из городов Среднего Поволжья), за назначение на командирскую должность (ст. 5); освобождение из тюрьмы разбойников: И. Серебряка за взятку от его помещика И. Елагина (ст. 23), неких Михаила и Артемия, чуваша И. Бисарина и взятие трех последних в дворовые холопы, возможное принудительное крещение названного чуваша, его жены и детей (ст. 24); неправильный ремонт гарнизонного оружия в Свияжске и изготовление для себя самопальных стволов руками свияжских мастеров, притеснение последних (ст. 10, 11); попустительство свияжским «сильным» и «прожиточным» посадским людям К. Косоногову с товарищами, А. Петрову, которые притесняли других посадских людей, уклонялись от выплат налогов и исполнения повинностей (ст. 28, 29); изгнание от себя своего духовного отца, попа Свияжского Софийского собора Нестера, якобы посланного Ф.С. Ларионовым для уговоров отказаться от незаконных действий (ст. 32); вывоз из Свияжска после завершения срока пребывания на воеводстве большого количества хлеба, вина, других продуктов и 5000 руб., уводе 50 лошадей (ст. 31).

Под возможными действиями Е.Ф. Мышецкого в уезде подразумевались: попустительство ясачным людям в бегстве с податных земель и неплатеже ясака (ст. 2); оставление города, поездка на пир к помещику И. Елагину в деревню Моркваши, из-за чего, якобы, возникли затруднения для ясачных татар и чувашей в платеже хлебного ясака (ст. 19); отправка в Свияжский уезд своего человека М. Сидорова и посадского человека А. Кондратьева для сбора в свою пользу хлеба и хмеля с ясачных людей, возможном притеснении последних (ст. 20, 21); организация в водных угодьях, принадлежавших татарскому князю Аклычу Тугушеву, рыбной ловли, продажи в свою пользу большого рыбного улова (ст. 22).

Две статьи касаются обвинений воеводы в отношении населения как города, так и уезда. Это: освобождение от наказания подьячих Свияжской съезжей избы, обвиняемых в «обидах» и «продажах» городских и уездных жителей (ст. 27); незаконные заключения последних в тюрьму, вымогательство с них взяток, отстранение дьяка Ф. Ларионова от судебных дел и оскорбления его (ст. 30).

В трех статьях речь идет о возможных действиях и нарушениях Ф.С. Ларионова: принуждение под угрозой тюремного заключения неких Максима и Ф. Львова перехода к себе в дворовые люди (ст. 25, 26); покупка в Свияжске ло-

шадей, передача их в Троице-Сергиев монастырь в качестве вклада, курение вина на земской или государственной винокурне (ст. 33).

Еще три статьи касаются приема монахами Свияжского Успенско-Богородицкого монастыря беглых крестьян из Стародубского уезда Северской земли, разногласий между монастырскими архимандритом и келарем (ст. 12, 13, 14). Лица, отвечающие на эти статьи, кроме опровержения или подтверждения этих событий, должны были сообщить сыщику, знали или нет о них Е.Ф. Мышецкий и Ф.С. Ларионов.

Отметим, что сведения в большинстве обыскных речей, за исключением № 3/I и 7, достаточно лаконичны. По городским событиям опрошенные посадские и военнотружильные люди, площадные подьячие, обслуживающий персонал съезжей избы, ясажные новокрещенцы и крестьяне Свияжского уезда давали показания в основном по тем вопросам, которые касались непосредственно их, по остальным же статьям отвечали, что они «про то не ведают», или же подтверждали факт самого действия, названного в статье, но отказывались сообщить по нему какие-либо подробности из-за незнания последних.

Так, в семи речах по первой статье даны показания о том, что при воеводе Е.Ф. Мышецком простой кабака в Свияжске действительно был, но о причастности к нему воеводы неизвестно (ст. 1 в № 1/II, 2/I, 3/I, 3/III, 3/IV, 4/I, 5/I). Лишь в речах служилых иноземцев говорится о том, что простой случился из-за отказа воеводы выдать кабацкому голове Л. Попову деньги на содержание кабака (ст. 1 в № 2/II). Эти же иноземцы, а также еще четыре группы опрошенных, в том числе житный сторож Г. Иванов, показали, что Е.Ф. Мышецкий выпускал своих кур на казенный житный двор через окно, специально прорубленное в тыну между названным и воеводским дворами (ст. 15–15а в № 2/II, 3/III, 3/IV, 4/I, 7). Посадские люди К. Косоногов с товарищами и ямские охотники подтвердили, что во время указанного простоя кабака воевода действительно «сидел вино в своем запасе», ему на винное курение привезли бревна из сломанной старой торговой бани (ст. 16 в № 1/II, 3/III). Те же лица и свияжские белые священники заявили, что Е.Ф. Мышецкий молот на казенной мельнице свои хлебные запасы (ст. 17 в док. № 1/II, 3/III, 4/I). Во всех остальных обыскных речах нет прямых указаний на использование воеводой Е.Ф. Мышецким государственных доходных и хозяйственных объектов. Все опрошенные лица заявили о том, что не ведают о том, продавал ли Е.Ф. Мышецкий свою соль через посадского человека Я. Токарева (см. ст. 7 в № 1–8).

В трех речах содержатся конкретные показания по обвинениям о присвоении князем пушной белки-казынки, которая закупалась казной в городах Среднего Поволжья для «посольских дел», то есть, по-видимому, для отправки с дипломатическими посольствами за границу в качестве подарков иностранным государственным деятелям. Подьячие денежного стола Свияжской съезжей избы Н. Иванов с товарищами заявили сыщикам, что Е.Ф. Мышецкий отказался принимать у целовальников, назначенных для покупки белки, из-за того, что они купили ее по дорогой цене. Но приказные толмачи заявили, что «тое белку взял на себя князь Еуфим». Ложные мастера, якобы со слов целовальников, дополнили это показание тем, что воевода забрал белку «на себя» же, но отдал за нее деньги, потраченные на покупку. После этого целовальники купили новую партию белок, но уже по дорогой цене (ст. 9 в № 3/I, 3/II, 3/IV). О рыбе-калуге

посадские люди, служилые иноземцы, площадные подьячие и приказные работники заявили о том, что ее купил и передал Е.Ф. Мышецкому таможенный и кабацкий голова Л. Попов, но неизвестно, с какими целями (ст. 18 в № 1/І, 1/ІІ, 2/ІІ, 3/ІІІ). Подьячие съезжей избы, стрельцы и белые священники сообщили сыщикам, что воеводе действительно привозили рыбу, но других подробностей не назвали (ст. № 18 в № 2/І, 3/І, 4/І). Отметим, что ст. 18, помимо всего прочего, свидетельствует об обитании в водах реки Волги в первой половине XVII в. рыбы-калуги (белуги) из семейства осетровых и о ее промысле в то время.

Высылка Е.Ф. Мышецким в Астрахань и другие места службы вместо «добрых» дворян и детей боярских их родственников или наемников нашла свое подтверждение в показаниях свияжских иноземцев, площадных подьячих и приказных работников, белых священников, самих служилых помещиков Б.И. Враского и П.Л. Волкова с товарищами и служилых татар. Эти же лица заявили, что не знают, получал ли воевода за такую замену посулы и поминки (см. ст. 3 в № 2/ІІ, 4/І, 5/І, 5/ІІІ; ст. 4 в № 2/ІІ, 3/ІІІ, 4/І, 6/І). Но подьячие съезжей избы, имевшие прямое отношение к организации высылки свияжских помещиков на службу, заявили, что все такие мероприятия проводились в полном соответствии с установленным порядком: по указным грамотам, советам воеводы Е.Ф. Мышецкого с дьяком Ф. Ларионовым. При этом признавалось, что имела место высылка на службу вместо ранее назначенных дворян и детей боярских других лиц, но это объяснялось тем, что первые из названных были либо больны, либо ранее уже высылались на другую службу (см. ст. 3, 4 в № 5/І). Эту же информацию подтвердили помещики Б.И. Враской с товарищами, Г. Шахматов (ст. 5 в № 5/І, 5/ІІ). Кроме того, помещики Г. Шахматов и другие, обвиняемые в даче взяток воеводе за невысылку их на службу, полностью отрицали этот факт (ст. 6 в № 5/ІІ, 5/ІІІ). В трех показаниях было опровергнуто получение воеводой взятки с помещика Я. Александрова за назначение его стрелецким головой (ст. 5 в док. № 3/І, 5/І, 5/ІІІ). Но в обыскных речах стрелецкого пятидесятника Д. Михайлова с товарищами нашел подтверждение факт получения Е.Ф. Мышецким 30 руб. с десяти стрельцов за невысылку их на службу в Астрахань (ст. 8 в № 2/І). Кроме частных фактов, в статьях по служилым людям получил отражение установившийся в XVII в. порядок ежегодной отправки отрядов помещиков и стрельцов из городов Среднего Поволжья в расположенные на границах с кочевыми ногайскими, калмыцкими и крымско-татарскими ордами низовые города и засеки для несения пограничной и сторожевой службы.

В ответ на обвинение Е.Ф. Мышецкого в освобождении разбойника И. Серебряка по челобитью его помещика И. Елагина посадские люди К. Футин с товарищами, площадные подьячие и приказные работники без особой конкретики подтвердили, что воевода действительно освободил его. При этом первые из названных заявили, что князь согласовал освобождение с дьяком, вторые сообщили, что Е.Ф. Мышецкий освободил И. Серебряка самостоятельно, но последний был вновь арестован в Казани (ст. 23 в № 1/І, 3/ІІІ). Больше подробностей привели подьячие судного стола съезжей избы М. Гордеев с товарищами. Они показали, что И. Серебряк являлся не крепостным крестьянином И. Елагина, а гулящим ярыжкой, что он был освобожден по пометам: на челобитной дьяка, а на поручной записи — воеводы, то есть ими совместно (ст. 23 в № 3/І). Что касается вопросов об освобождении из тюрьмы Артемия, Михаила и чуваша И. Би-

сарина, то приказные толмачи В. Никитин с товарищами, площадные подьячие с приказными работниками и белые священники подтвердили, что И. Бисарин с семьей были крещены и приняты князем в дворовые холопы (ст. 24 в № 3/II, 3/III). Посадские люди К. Косоногов и другие, монахи Успенско-Богородицкого монастыря сообщили, что Е.Ф. Мышецкий действительно окрестил жену и детей И. Бисарина, но не знают, взял ли он их к себе на двор (ст. 24 в № 1/II, 4/III). Приказные подьячие уведомили сыщиков, что Артемия, Михаила и Бисарина они видели на дворе воеводы, но неизвестно, в статусе добровольно поступивших в холопы или насильственно (ст. 24 в № 3/I). В обыскной речи ясачных татар, чувашей и мордвы сказано, что И. Бисарин с семьей был крещен и находился в во дворе у воеводы, но на момент подачи речи уже, по-видимому, не был холопом и проживал в деревне (ст. 24 в № 7). В ряде вопросных статей фигурируют посадский человек Михаил Сидоров и человек воеводы Артемий (Ортюшка) Кондратьев, которых Е.Ф. Мышецкий посылал по разным делам в уезд (ст. 20, 21, 22). Возможно, это и были те самые лица, подозреваемые в разбое, которых князь освободил из тюрьмы.

Подробного рассмотрения заслуживают ст. 10, 11, 28, 29, касающиеся свияжских ремесленников и посадских людей. В вопросной ст. 10 говорилось о том, Е.Ф. Мышецкий и Ф.С. Ларионов получили правительственные грамоты о переделке гарнизонного стрелкового оружия по московскому образцу. Последний, по-видимому, был основным в русской армии, и перевод на него свияжских ружей и пистолетов был необходим для их снабжения боеприпасами такого же московского калибра, какими снабжались военные подразделения из других городов. Однако якобы воевода приказал делать оружие не по московскому, а казанскому образцу и при этом заставил ремесленников, которым предписывалось осуществить эту переделку, изготовить для себя и своих сыновей более 20 пищалей и пистолетов, принуждал исполнять другую работу. Отметим, что свияжская переписная книга 1646 г. зафиксировала девять дворов посадских людей, которые «делают государево ружье и самопальные станки, а с посадскими людьми государевых служб никаких не служат и тягла не дают, живут в избылх»²³. По-видимому, основной обязанностью таких лиц являлось изготовление оружия и исполнение других заказов приказных властей. В ст. 11 говорится, что Е.Ф. Мышецкий заставил такого мастера В. Часовника сделать для себя пять самопальных стволов, из-за чего государеву самопальному делу могла учиниться «поруха». В своих речах свияжские кузнецы подтвердили, что по приказу Е.Ф. Мышецкого они делали ружья сначала по казанскому, затем по московскому образцам, что князь действительно принуждал их бесплатно делать для себя и сыновей разную работу. Аналогичные показания дали на воеводу Д. Ложник, то есть мастер по изготовлению ружейных лож (прикладов), и казенные плотники (ст. 10 в № 3/III, 3/IV, ст. 11 в № 3/III). Но изготовление В. Часовником для князя самопальных стволов не нашло подтверждения (ст. 11 в № 3/III, 3/IV).

По ст. 28 посадские люди, земский староста К. Футин с товарищами (163 человека) подтвердили, что «сильные» представители их общины К. Косоногов, Б. Ластухин и еще несколько человек творят произвол по отношению к ним, платят государственным подати и земские сборы в размерах меньших, чем пред-

²³ Димитриев В.Д. Посадские люди города Свияжска, Карлинская слобода полковых казаков, помещики и крепостные крестьяне чувашской части Свияжского уезда. С. 25.

полагает их имущественный оклад. В ответах названного старосты и его сторонников указано, что государственной повинностью жителей свияжского посада являлось изготовление из зерна, собранного приказными властями в качестве натурального налога с ясачных людей (посопного хлеба), крупы и толокна за свой счет, причем количество таких заготовок зависело от оклада каждого посадского человека. Несомненно, крупа и толокно предназначались на выплату натурального жалования служилым людям и ружному духовенству. Заслуживают внимания показания о наличии у свияжской посадской общины жалованных грамот, посредством которых правительство закрепило за ней какие-либо права и обязанности (ст. 28 в № 1/I). Возможно, речь идет о жалованных грамотах царя Федора Ивановича от 25 февраля 1586 г. и Василия Ивановича Шуйского от 2 марта 1607 г., упомянутых П.П. Смирновым²⁴. Что касается самого К. Косоногова, Б. Ластухина и их товарищей, то в своих обыскных речах они отвергли предъявленные им обвинения и заявили, что платят налоги и земские сборы в соответствии со своим окладом (ст. 28 в № 1/II).

Из ст. 29 видно, что в бытность свою земским старостой сам Б. Ластухин и другие посадские общинники били челом на прожиточного посадского человека А. Петрова, который жил в качестве сторожа в Свияжске на дворе, где содержались заложники («аманаты») из числа ясачных татар, и поэтому не платил повинностей и не исполнял служб, обязательных для посадских людей. Результатом этого челобитья стало лишение А. Петрова должности сторожа аманатного двора и зачисление его в посад (см. 29 в № 1/I, 1/II). Отмеченный переход посадских людей на приказную службу (в ремесленники и обслуживающий персонал при съезжих избах) для избежания государственных повинностей в первой половине XVII в. был характерен не только для Свияжска, но и для других русских городов. Поэтому в 1649 г. правительство во вновь принятом Соборном уложении предписало повсеместно вернуть всех таких лиц в посады²⁵.

Про действия князя Е.Ф. Мышецкого в отношении попа Свияжского Софийского собора Нестера (ст. 32) все опрошенные ответили незнанием. Но монахи Свияжского Троицкого монастыря сообщили об имевших место жалобах дьяка Ф.С. Ларионова на то, что Е.Ф. Мышецкий якобы «отказывает» ему от участия в делах, сажает людей в тюрьму без его ведома (ст. 32 в № 4/II).

В своих показаниях по ст. 31 посадские люди, приказные подьячие, белые священники подтвердили вывоз Е.Ф. Мышецким и его сыновьями при отъезде из Свияжска различного «живота» и отгона лошадей, но не смогли точно указать количество последних (ст. 31 в № 1/I, 1/II, 3/I, 4/I). Помещики Б.И. Враской с товарищами также подтвердили факт скупки воеводой лошадей в Свияжске (ст. 31 в № 5/I).

Показания русских посадских, приказных, служилых людей, духовенства и иноземцев, проживавших непосредственно в городе или приписанных к нему, содержат гораздо меньше подробностей по событиям, происходившим в уезде.

Так, в 12 обыскных речах представители городских сословий подтвердили, что Е.Ф. Мышецкий покинул город и уехал на один день на пир к помещику И. Елагину, но затруднились ответить, привело ли это действие воеводы к затруд-

²⁴ Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. Т. I. С. 157–158.

²⁵ Соборное уложение 1649 г. Гл. XIX. Ст. 28.

нению приема посопного хлеба у ясачных людей (ст. 19 в № 1/І, 1/ІІ, 2/І, 2/ІІ, 3/І, 3/ІІ, 3/ІІІ, 3/ІV, 4/І, 4/ІІ, 5/І, 5/ІІ).

На вопросы ст. 20 и 21 про поездки в уезд по поручению князя уже упомянутых посадского человека М. Сидорова и княжеского человека А. Кондратьева, лишь только посадские люди сообщили о фактах такой поездки, но не смогли подтвердить или опровергнуть сведения о насилиях воеводских посланцев по отношению к ясачным чувашам и татарам (ст. 20, 21 в № 1/І, 1/ІІ).

Относительно претензий к М. Сидорову и А. Кондратьеву о проведении в уезде рыбной ловли и передачи Е.Ф. Мышецкому достаточно большого улова, опрошенные посадские люди, стрельцы, толмачи, ложные мастера заявили, что рыбная ловля имела место. Но про вопросы о возможном проведении рыбалки в водах князя Аклыча и применении при этом какого-либо насилия перечисленные лица затруднились ответить (ст. 22 в № 1/І, 1/ІІ, 2/І, 3/ІІ, 3/ІV). Служилые иноземцы, площадные подьячие и приказные работники, белые священники, помещики Б.И. Враской с товарищами сказали, что рыбалка действительно проходила в угодьях князя А. Тугушева, но не подтвердили, что М. Сидоров и А. Кондратьев при ее проведении совершали насильственные действия (ст. 22 в № 2/ІІ, 3/ІІІ, 4/І, 5/І).

Про обвинения Е.Ф. Мышецкого в попустительстве подьячим судного стола Е. Савина и Г. Тихонова, которых надлежало отстранить от должности и наказать по государевым грамотам за обиды ясачных людей, посадские люди К. Футин с товарищами, иноземцы, толмачи, белые священники и монахи Успенско-Богородицкого монастыря заявили, что знают лишь про то, что эти подьячие по прежнему сидят в съезжей избе у государева дела (ст. 27 в № 1/І, 2/ІІ, 3/ІІ, 4/І, 4/ІІІ, 5/ІІ). Площадные подьячие и приказные служители подтвердили получение грамот о наказании Е. Савина и Г. Тихонова и сказали, что те не были наказаны Е.Ф. Мышецким и «у ясачных людей от писма денги емлют по прежнему» (ст. 27 в № 3/ІІІ). Определенные представления о взаимоотношениях и дисциплине в среде служителей съезжей избы дают показания по этой же статье подьячих денежного судного и хлебного столов И. Борисова с товарищами. Они заявили сыщикам, что грамоты на Е. Савина и Г. Тихонова действительно были, но про челобитные на них от ясачных людей не слыхали. Ф.С. Ларионов же наказывал батогами многих подьячих, в том числе и последних (ст. 27 к № 3/І).

По обвинениям Е.Ф. Мышецкого, изложенным в ст. 30, свияжские посадские люди, стрельцы, иноземцы, площадные подьячие, толмачи, работники, священники, монахи и помещики ответили незнанием (ст. 30 в № 1/І, 1/ІІ, 2/І, 2/ІІ, 3/ІІ, 3/ІІІ, 3/ІV, 4/І, 4/ІІ, 4/ІІІ, 5/І, 5/ІІ, 5/ІІІ). Лишь подьячие судного стола съезжей избы Н. Иванов с товарищами указали на то, что «князь Еуфим суживал один не по многим челобитным, как дьяк Филип сидел за счетом и лежал болен» (ст. 30 в № 3/І).

Самым ценным источником из сыскного дела является обыскная речь ясачных людей Свияжского уезда. Помимо ответов по обыскным статьям, в ее вводном разделе есть содержательные сведения о национальном составе ясачного населения. В списках ясачных людей, дававших показания сыщикам, перечисляются чуваша, татары, проживавшие на данной территории задолго до их вхождения в состав Русского государства, и мордва (ст. 0 в № 7). Еще в период Казанского ханства его правители переселили мордовских крестьян на правобережье Волги для обработки своих дворцовых земель. К 1565–1567 гг. часть мордовских

переселенцев «разошлась по своим старым улусом»²⁶. Другая их часть, как видно из рассматриваемого дела, продолжала жить на месте переселения и в 1630-х гг.

Рассматриваемый документ свидетельствует, что административно-территориальное деление Свияжского уезда строилось, прежде всего, по национальному признаку. Татарские и мордовские деревни, упомянутые в источнике, фигурируют в составе сотен. Последние единицы сложились еще в Казанском ханстве, проживавшие в их составе татары были обязаны поставлять в ханскую армию определенное число воинов, платить установленное количество податей. Управляли сотнями назначенные ханами сотные князья. Когда Среднее Поволжье вошло в состав Русского государства, московская власть сохранила в ряде его уездов деление их на национальные сотни, и в первые десятилетия после указанного события доверила управление ими уже лояльным себе нерусским князьям²⁷. Сотни получали название по имени своего первого правителя и сохраняли его (название) в течение достаточно длительного времени. В.Д. Димитриев указывал, что в XVIII в., вплоть до 1781 г., когда Свияжский уезд подвергся значительной реорганизации, в его составе были четыре татарские сотни: Князь-Аклычева, Князь-Ишеева, Князь-Тенева, Князь-Байбулатова²⁸. В вводном разделе док. № 7, с некоторыми разночтениями и дополнениями перечисляются названия этих же сотен: Князь-Аклычева Тугушевская, Князь-Ишеева Кудайбердеева, Князь-Тенева, Князь-Бекбулатова.

В обыскных речах представлены сведения об одном из служивших московской власти татарских сотных князей. Это уже названный основатель Князь-Аклычевой сотни князь Аклыч Тугушев. Он происходил из семейства Тугуш Девлет Бахтыева, верно служившего еще царям Ивану IV и его сыну Федору Ивановичу. После смерти отца, в 1597 г. А. Тугушев унаследовал его вотчину в Свияжском уезде, в состав которой входили упоминавшиеся выше рыболовные угодья²⁹. В 1630-х гг. вотчина обслуживалась в том числе и русскими крепостными крестьянами князя, проживавшими в селе Янбахино, деревнях Никифоровой и Клянчиной Свияжского уезда (ст. 0 в № 8/II).

В период Смутного времени А. Тугушев отличился в боях с отрядами атамана И. Заруцкого, сразу же после избрания царем Михаила Романова присягнул ему на верность. За свои заслуги А. Тугушев, по-видимому, получил в свое управление сотню своего отца, которая стала называться именем нового правителя³⁰. Судя по показаниям жителей Князь-Аклычевой сотни, в период воеводства Е.Ф. Мышецкого, они ничего не знали о делах, происходивших в съезжей избе,

²⁶ Димитриев В.Д. Сведения о чувашских землях, селениях и крестьянах в свияжских писцовых книгах 1565–1567 годов // Исследования по истории дореволюционной Чувашии / сб. статей НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1989. С. 5–6.

²⁷ См., например: Чибис А.А. Политика Московского правительства в Казанской земле во второй половине XVI–начале XVIII в. в трудах В.Д. Димитриева // Димитриев Василий Димитриевич: ученый, педагог, общественный деятель, гражданин: сб. статей / сост. Г.А. Николаев; отв. ред. И.И. Бойко. Чебоксары, 2013. С. 32–33.

²⁸ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. С. 81.

²⁹ См., например: Акчури М.М., Басманцев Д.В., Кочетков В.Д. О службе и жалованьях свияжского князя Тугуша Девлет Бахтыева во второй половине XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. Научный журнал. 2016. № 8. С. 56–61.

³⁰ Акчури М.М., Басманцев Д.В., Кочетков В.Д. О службе и жалованьях свияжского князя. С. 58–59.

так как «в те поры жили за князем Аклычем» (ст. 27 в № 7). Прочитанное свидетельствует, что А. Тугушев самостоятельно, без вмешательства приказных властей, управлял своей сотней, собирал налоги и т.п. Известно, что князь скончался около 1637 г., после его смерти осталась вдова, по-видимому, унаследовавшая вотчину мужа³¹. Что касается основателей трех других упомянутых сотен, то их сотные князья Ишей Кудайбердеев, Темей, Бекбулат в деле вообще не упоминаются, что указывает на их исчезновение с исторической сцены ко времени описываемых действий. Вместо вымерших сотных князей в обычных речах ясачных жителей сотни фигурируют, по-видимому, избранные из их же числа сотники (см. например ст. 22 в № 7). Но они являлись уже не самостоятельными управителями, а агентами воеводской администрации и отвечали перед последней за исполнение своими односельчанами фискальной и других повинностей³².

Чувакское население Свияжского уезда делилось по волостям, каждая из которых включала в себя ряд селений, связанных общностью происхождения и хозяйственной деятельности. В обыкной речи ясачных людей чувашские деревни перечислены в составе десяти волостей: Хозесановской, Утинской, Темешевской, Шигалеевской, Карамамеевской, Аринской, Айбеческой, Яльчикской, Андреевской, Чекурской³³. Внутри волостей документ также фиксирует наличие сотников, которые, несомненно, так же как и в татарских сотнях, были ответственны перед уездными властями за выплату ясачными людьми волости государственных налогов и исполнение повинностей (ст. 0 в № 7). Добавим, что док. № 7 фиксирует проживание в чувашских волостях и татар, а в татарских сотнях — чувашей. Так, во вводной части упоминаются «волости Аринские деревни Васюковы сотник Бурнаш Кадышев да тое ж волости татаровя и чуваша тое ж деревни Сюкеи Уразлин...» (ст. 0 в № 7); в ст. 2 — «татаровя и чуваша Князь-Аклычевы сотни Князь-Тугушева деревни Каипеч сотник Тоигилдаи Ишкеев с товарищи» (ст. 2 в № 7).

Завершая сюжет, отметим, что в итоговых показаниях к ряду вопросных статей значатся «татаровя и мордва пяти сотен и чуваша десети волостей» (см., например, ст. 23 в № 7). Такое расхождение объясняется, возможно, тем, что как пятая сотня составителями документа была подсчитана одна из территорий, которая внутри основной сотни управлялась одним из названных сотников.

На вопросы, касающиеся городских событий, в ст. 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 15, 16, 17, 18, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 32 опрошенные ясачные чуваша, татары и мордва ответили незнанием или дали косвенные показания по принципу «слышали, но не видели» (№ 7).

В ст. 2 есть вопросы о возможном попустительстве Е.Ф. Мышецкого, вопреки мнению Ф.С. Ларионова, ясачному татарину деревни Старой Клеры Князь-Бекбулатовой сотни Д. Дунаева в присвоении им ясачных участков бежавших татар, отказе разыскивать последних и записывать за взятки безьясачных татар. В ответ на эти вопросы ясачные жители деревни Старой Клеры ответили, что Е.Ф. Мышецкий вместе с Ф.С. Ларионовым по их жалобе «выслали вон» Д. Дунаева, что в их сотне действительно были безьясачные и беглые татары, но

³¹ Акчурин М.М., Басманцев Д.В., Кочетков В.Д. О службе и жалованьях свияжского князя. С. 59.

³² Чибис А.А. Политика Московского правительства в Казанской земле. С. 33.

³³ Столько же чувашских волостей с такими же названиями насчитывалось в Свияжском уезде в XVIII в. (Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. С. 81).

воевода разыскал их. При этом опрашиваемые не подтвердили, что воевода брал с нарушителей ясачных платежей какие-то взятки (ст. 2 в № 7). В своей отдельной сказке Д. Дунаев заявил, что никаких ясаков и ясачных платежей не при-сваивал. Он якобы передал Ф.Е. Мышецкому роспись безьясачным людям, которых укрывали другие жители его сотни. Последние же подали ответную челобитную, потребовав выселить его из сотни и отдать им закрепленную за ним ясачную землю. Воевода, игнорируя мнение Ф.С. Ларионова, выселил его (№ 10). Изложенная история иллюстрирует порядок, существовавший в первой половине XVII в., согласно которому все проживавшие в уезде ясачные люди должны были быть закреплены на ясачной земле, им запрещалось покидать свои ясаки и переселяться в другие уезды³⁴.

В своих ответах по ст. 19 татары и чуваша Князь-Аклычевой, Князь-Ишевой сотен Темешевской волости фактически оправдали Е.Ф. Мышецкого, заявив о том, что он действительно покинул город, ездил на пир к помещику И. Елагину, но при этом не нанес ущерба приему от ясачных людей посопного хлеба, так как «наша братья татаровя и чуваша в те поры с ясаком в Свияжском не были, потому что была осень, а ясак платят они по зимнему пути» (№ 7).

Но в дополнительных показаниях по ст. 2 сотник Князь-Аклычевой сотни Е. Урахчин с товарищами указали на то, что Е.Ф. Мышецкий арестовал татарина деревни Малых Бурундуков Т. Баибахтина по обвинению в пропуске через свою деревню чувашей Цивильского уезда с «битым» крестьянином Троице-Сергиева монастыря и освободил его только после получения взятки в 40 руб. (№ 7). Еще больше примеров вымогательств князем денег, продуктов, лошадей с представителей нерусского населения Свияжского уезда приводится в ответах ясачных людей по ст. 30 (№ 7).

По ст. 20, 21 чуваша и татары ряда деревень также подтвердили, что отправленные Е.Ф. Мышецким в Свияжский уезд М. Сидоров и А. Кондратьев собирали с них в пользу князя бесплатно или заставляли продавать за бесценок хлеб, вымогали деньги. Уже упоминавшиеся Е. Урахчин с товарищами заявили о том, что Е.Ф. Мышецкий заставлял возить на себя дрова и сено аманатов, чувашей и татар, содержавшихся в Свияжске (№ 7).

По ст. 22 татары и мордва Князь-Аклычевой сотни заявили о том, что И. Сидоров и А. Кондратьев по поручению воеводы два года ловили рыбу в водных угодьях князя А. Тугушева насильством с помощью ясачных людей и вымогали на эту рыбалку деньги с различных деревень (№ 7).

По статье 31 татары и чуваша Князь-Аклычевой сотни, Аринской и Хозе-сановской волостей указали, что при отъезде из Свияжска князь Е.Ф. Мышецкий действительно увез много разного живота и запаса, хотя точное их количество указать затруднились. Представители последней также сообщили, что люди князя вымогали с них деньги, «а давали мы им те денги, боясь князя Еуфима» (№ 7).

Изложенные в док. № 7 показания о вымогательствах и насилиях со стороны Е.Ф. Мышецкого по отношению к ясачным людям нашли подтверждение в обыскных речах проживавших в уезде служилых татар (ст. 22, 30 в № 6/1), слу-

³⁴ *Димитриев В.Д.* «Царские» наказы казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР / сб. статей НИИ при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 295–296, 321–322.

жилых новокрещенцев (ст. 30 в № 6/II), ясачных новокрещенцев (ст. 30 в № 8/I), крепостных крестьян князя А. Тугушева (ст. 22 в № 8/II), а также в сказке чувашей и татар, бывших в Свияжске в аманатах. Последние же сообщили сыщикам интересную подробность о том, что воевода Е.Ф. Мышецкий действительно высылал на службу вместо добрых дворян и детей боярских бедных помещиков или их родственников, за что вместе с дьяком и был посажен в тюрьму. Он же, якобы, вместо свияжских детей боярских высылал для охраны Свияжской и Тетюшской засек ясачных людей (№ 12).

В своих обыскных речах по ст. 2, 27 и 30 Е. Урахчин и другие ясачные люди указали на то, что Е.Ф. Мышецкий отстранил Ф.С. Ларионова от «челобитчиковых», то есть судебных дел, проводил без его ведома аресты, вместе с сыновьями оскорблял своего товарища и т.п. Дьяк же якобы был добр к ясачным людям, не брал от них посулы и поминки, хотел наказать подьячих съезжей избы, которые чинили обиды чувашам и татарам, но подьячие «по ся места сидят у государева дела, и обиды, и насилства, и продажу чинят нам пуше прежнева» (№ 7). В своей отдельной сказке свияжский посадский человек К.М. Набережной, бывший в 1635/36 г. кабацким целовальником, заявил о том, что воевода Е.Ф. Мышецкий вымогал с него посулы, но дьяк Ф.С. Ларионов был к этому непричастен (№ 9).

Но в показаниях посадских людей К. Косоногова с товарищами и белых священников нашло косвенное подтверждение, что в свою бытность в Свияжске Ф.С. Ларионов взял в дворовые люди лиц, возможно, освобожденных из тюрьмы или являвшихся крепостными других владельцев (ст. 25, 26 в № 1/II, 4/I). Те же посадские люди, подьячие съезжей избы, монахи свияжских Троицкого и Успенско-Богородицкого монастырей, помещики Б.И. Враской с товарищами подтвердили, что дьяк скупал в Свияжске лошадей, часть из которых передавал в Троицкий монастырь в качестве вклада, получал из названных монастырей хлеб на свой обиход и курил для себя вино (ст. 33 в № 1/II, 3/I, 4/II, 4/III, 5/I). В своей сказке свияжские посадские люди, кабацкие целовальники 1635/36 г. П.Ф. Костромитин с товарищами сообщили о взыскании с них Ф.С. Мышецким и дьяком Ф.С. Ларионовым без государева указа 133 руб. пенных денег. Затем якобы воевода получил с них посул за освобождение от пени, но последняя была с них все равно взыскана (№ 11).

По ст. 12, 13, обвинявших власти Успенско-Богородицкого монастыря в приеме в свою вотчины беглых дворцовых крестьян, его монахи признали данный факт, но заявили о том, что они не знали о владельческой принадлежности беглецов и приняли их за бывших крестьян других монастырей (№ 4). До отмены Соборным уложением 1649 г. практики так называемых урочных лет, которая разрешала беглым крестьянам оставаться на землях новых владельцев по прошествии определенного времени, прием беглецов новыми владельцами являлся вполне законным. Применительно к названному монастырю он был обусловлен общим развитием его вотчины в первой половине XVII в., что требовало привлечения в нее новых рабочих рук³⁵.

³⁵ Чибис А.А. Монастыри правобережья Казанской земли во второй половине XVI — первой половине XVIII веков: функционирование, землевладение и хозяйство: дисс. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2011. С. 175–177.

Обзор сыского дела свидетельствует о том, что в нем получили полное подтверждение злоупотребления воеводы Е.Ф. Мышецкого, прежде всего по отношению к представителям нерусского населения Свияжского уезда: ясачным чувашам, татарам и мордве, служилым татарам, в том числе знатного происхождения. Имели место притеснения посадских людей и ремесленников, присвоение результатов их труда, получение с них взятки. Подобный произвол во многом был обусловлен тем, что ко времени деятельности Е.Ф. Мышецкого в Свияжске в городах и уездах Среднего Поволжья полностью сложилась система воеводского управления, особенностью которой являлось сосредоточение всех фискальных, военных, полицейских, судебных и других полномочий в руках назначенного Москвой воеводы и его товарищей. Разрешенное московской властью во второй половине XVI в. участие в управленческих делах представителей верхушки нерусских сословий (сотных князей, «лучших людей») в первой половине следующего столетия сошло на нет. Все местные сословия оказались в полной зависимости от воеводской власти. Неизвестно, какое решение приняло московское правительство по результатам свияжского расследования, но последующие факты биографии Е.Ф. Мышецкого свидетельствуют о том, что после 1638 г. его служебная карьера никак не пострадала, а наоборот, развивалась. Он продолжал назначаться на достаточно ответственные должности: в 1641–1643 гг. возглавлял российское посольство к грузинскому царевичу Теймуразу, присягнувшему на верность царю Михаилу Федоровичу; в 1645–1648 гг. был одним из судей важнейшего Московского Судного приказа; в 1652–1655 гг. служил воеводой в крупном городе Устюге³⁶. Что касается дьяка Ф.С. Ларионова, то по данным Н.Ф. Демидовой, в 1639 г. он был пожалован поместьем в 95 четвертей в Московском уезде и не позднее того же года принял монашеский постриг³⁷.

Продолжение карьеры Е.Ф. Мышецкого объясняется тем, что его действия на государственной службе ничем не отличались от действий многих других служилых людей по отчеству из числа знатных князей и дворян, которых правительство назначало на значительные административные и военные посты. Многие из них, несомненно, достаточно ответственно исполняли конкретные поручения, исходящие от царя, но не гнушались нажиться за счет притеснения тех, кто стоял ниже их на ступенях сословной иерархии. Такой порядок был характерен для менталитета высших сословий феодальной России и во многом основывался на традициях кормлений, исходящих еще от удельного периода. Поэтому в XVII в. произвол воевод по отношению к средним и низшим сословиям был характерной чертой местного управления не только в Среднем Поволжье, но и других регионах России³⁸. Правительство принимало меры по его пресечению, но они не имели должных последствий.

Можно констатировать, что в сыском деле о воеводе Е.Ф. Мышецком представлена ценная информация по административно-политической и социальной истории Среднего Поволжья в первой половине XVII в. Особый интерес представляет отражение в деле экономического состояния, прав и обязанностей

³⁶ Подробнее см.: Рабинович Я.Н. Воеводы левого бережного Саратова. С. 84–93.

³⁷ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России. С. 312.

³⁸ См., например: Чичерин Б. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С. 297–

различных категорий населения: как русских служилых, посадских людей и духовенства, заселивших указанный регион после его вхождения в состав России, так и нерусских сословий, проживавших в его пределах задолго до указанного события.

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

Раздел I. Обыскные речи духовных, служилых и тяглых корпораций г. Свяжск и его уезда по сыскному делу сыщика Бориса Дмитриевича Бартенева, подьячего Ивана Алимпеева о злоупотреблениях бывшего свияжского воеводы Ефима Федоровича Мышенцкого и дьяка Филипа Семеновича Ларионова	23
--	----

Раздел II. Сказки свияжских крестьян, посадских и ясачных людей сыщику Борису Дмитриевичу Бартеневу, подьячему Ивану Алимпиеву о злоупотреблениях бывшего свияжского воеводы Ефима Федоровича Мышенцкого и дьяка Филипа Ларионова	189
---	-----

Раздел III. Памяти приказа Казанского дворца и Сибирского приказа про дело о челобитье свияжских посадских людей на посадских же людей Клина Косоногова с товарищами	197
--	-----

Именной указатель	202
-------------------------	-----

Географический указатель	258
--------------------------------	-----

Список публикуемых документов	266
-------------------------------------	-----